

ОЛЕГ ЛЕБЕДЕВ

Рижский ноктюрн мечты

Олег Лебедев

Рижский ноктюрн мечты

«Издательские решения»

Лебедев О.

Рижский ноктюрн мечты / О. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740657-8

Интрига «Рижского ноктюрна мечты» разворачивается в удивительных своей красотой декорациях старой Риги. Мужчина и женщина. Любовь с первого взгляда... Но будут ли они вместе? Перед ними много преград. Преград из мира мистического. Это произведение о любви, человеческом выборе, невидимой людям таинственной вселенной древнего города. В нем — сильное эротическое начало. И еще — его читатель сможет хорошо узнать Ригу. «Рижский ноктюрн мечты» — первое произведение автора из цикла «Рижские истории».

ISBN 978-5-44-740657-8

© Лебедев О.
© Издательские решения

Содержание

Встреча	7
Исчезновение	12
Статуя	14
...Целой жизни мало, чтобы ждать тебя, Моя жизнь пропала, если нет тебя... («Шербургские зонтики»)	17
Калейдоскоп	18
Снова вместе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

РИЖСКИЙ НОКТЮРН МЕЧТЫ

Олег Лебедев

*Это произведение – первое в моем цикле «Рижские истории»
Я посвящаю его маме, Нине Ивановне Никольской,
своему самому большому другу,
без чьего тепла не появилось бы
ни одной строчки этого произведения.*

Олег Лебедев.

© Олег Лебедев, 2024

ISBN 978-5-4474-0657-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не знаю, в чем заключается для меня притягательная магия старой Риги – спилей и стен церкви святого Петра и Домского собора, узких улочек старых зданий, собранных вокруг этих доминант. Может, брусчатка мостовых, монументальные стены храмов, вся атмосфера этого места вобрала в себя мудрость, суровую доброту по-особенному прекрасной, манящей к себе древней Балтики. Город был создан и развивался рядом с этим морем, жил с ним одной жизнью веками. И так же море было главным в жизни всех прошедших за века поколений рижан, каждый из которых оставил после себя в городе кусочек своей души...

Возможно, оттого Рига мистически похожа на огромный корабль, мачты которого – шпили ее могучих древностью минувших эпох кирх. Корабль, плывущий сквозь века к таинственному и притягательному своей неизвестностью будущему. Эту пленительную атмосферу ожидания будущего и ощущаю я в этом городе, построенном сильными и умеющими мечтать людьми. Людьми, жившими Балтикой и обязательно бывшими не только торговцами и военными моряками, но и мечтателями, ибо таковыми их сделало море.

Плавание – это всегда встреча, и оттого, приезжая в Ригу, я ловлю себя на том, что всегда жду этих встреч. Может, с человеком, который станет другом, может, с женщиной, которую полюбишь... Во всяком случае, у меня в этом городе возникает предчувствие такой встречи. Я надеюсь на нее. Жду ее каждую свою прогулку по улицам, каждый раз, когда иду мимо шпиля святого Петра, когда смотрю на старинные амбары и дерево возле них на улице Алксная, когда здороваюсь с Черным котом – фигуркой на крыше дома возле зданий Малой и Большой гильдий.

Я жду встречу необычную, ведь каждая извилистая улочка здесь – словно сказка. В нее хочется войти, ощутить, проникнуться ею, а, может, и пожить в ней...

Когда я этот раз приехал в Ригу, то был, как говорится, никакой: родители в Москве были в больнице, и я переживал за них, хотя они, собственно, и уговорили меня съездить отдохнуть на три дня в Латвию. Не улучшили настроение и постоянные ссоры с давней любовницей, с которой на «три дня» я предпочел не ехать.

А тут еще бессонная ночь в поезде. После нее болели виски. Не спасли ситуацию даже три чашки кофе: первая – в гостинице, вторая – по пути в старый город, а третья – уже в нем самом.

И все-таки в теплый, почти безветренный, что редко для Риги, летний вечер, даже несмотря на грустные мысли и больную в прямом смысле голову, мне было хорошо здесь. Проходил по знакомым местам. В удивительно мягком закате августа гулял возле Домского собора, домов Трех братьев, Пороховой башни. Передал привет от мамы Черному коту. Прежде приезжал сюда с родителями, теперь, когда они состарились, – обычно один...

Когда-то давно я плохо знал старый город, и, отправляясь в путешествие по его кружеву, нарочно шел наугад, запутывался и, возвращаясь, открывал для себя новые и новые уголки, узнавая тем самым Ригу. Теперь я неплохо знаю эти места. При всем желании мне трудно потеряться здесь, хотя иногда... Иногда я очень хочу этого.

Мне хорошо знаком этот город, но все равно каждый раз красота его причудливых линий очаровывает все сильнее. Каждый день особенный и город, каждый его уголок в каждый новый день выглядит по-особенному. Я вглядываюсь в дома, древние церкви, и порой взгляд падает на то, что сегодня видится необычно, не так, как всегда. И оно, это необычное, откладывается в памяти, становится деталью повести и рассказа, а бывает, и импульсом к его созданию.

Я сочинитель, стараюсь писать прозу, хотя и работаю журналистом. Последний в Риге всегда спит, копит силы, а сочинитель господствует во мне, созерцая и принимая душой красоту. Этот сочинитель еще и мечтатель. Именно он ждет встречи. Обязательно необычной, которая может произойти только здесь.

В этот день сочинителю не повезло. Не было во мне той тонкости восприятия, из которой может родиться что-нибудь настоящее. И встреча не выпала на его долю.

Тем не менее картины города, подкрепленные бокальчиком белого вина, слегка развеяли печальные мысли, привезенные из Москвы, и уходил я вечером из старой Риги уже совсем не таком настроении, в котором утром сошел с поезда.

Я шел через парк, за которым останавливался троллейбус, шедший к гостинице,

Рижские парки... На месте части из них когда-то стояли крепостные стены, потом, в XIX веке, их разрушили – город-корабль рос. И теперь полукольцо парков замыкает старую Ригу возле берега Даугавы и отделяет ее от построенных в начале двадцатого столетия проспектов и улиц, почти каждый второй дом на которых уникален, украшен красивой башенкой (*читателю: будете в Риге – потратьте несколько часов, обязательно пройдитесь по улицам Бривибас, Барона, Александра Чака*). К сожалению, об этих улицах мало пишут путеводители.

Об этой вопиющей несправедливости я и размышлял, когда миновал Бастионную горку, и шел по мостику в парке к остановке.

Встреча

На мостике остановился, оглянулся – еще раз посмотреть на древние шпили кирх. И тут заметил ее. Она шла со стороны старого города, была в фиолетовой футболке, узких рваных джинсах с небольшими фигурными вырезами и шлепках. Одета с некоторым вызовом, но совершенно невульгарно, что так часто режет глаза в нашей Москве.

И еще одно... Походка! Какая-то легкая, совершенно необычная... Может, благодаря длинным стройным ногам (их-то я сразу разглядел благодаря облегающим джинсам). Честно сказать, сначала я обратил внимание именно на ноги. Господь очень хорошо потрудился, когда создавал Женщину, и ноги – одно из того, что получилось при этом лучше всего.

Не буду подробно описывать ее. Скажу лишь, что вот тут мгновенно возникло это чувство долгожданной встречи. Будто магнит к ней сильнейший притягивает...

Она вступила на мостик. Может, идет к той же остановке, что и я. Господи, ну что же сказать, как завязать разговор, никогда не умел этого делать...

Она прошла мимо, я двинулся слегка сзади. У нее длинные темные волосы, они собраны в хвост. Чуть ускоряю шаг, иду почти вровень с ней. Так и прошел, посматривая на нее – высокую, худенькую, почти без косметики и почти без обуви – весь мостик.

Наконец, «осенило»:

– Скажите, сударыня (я всегда так обращаюсь к женщинам – есть в этом что-то уважительно и приятное – почти дореволюционное), – а как мне пройти к троллейбусной остановке?

– Да вот она за музеем, неподалеку, я иду туда, – ответила она, мельком взглянув на меня.

Ответила и продолжает идти. Не остановилась, даже не замедлила шаг... Но все-таки начало положено. Я, конечно, знаю, где остановка, до музея, похожего на старинный замок, осталось идти метров триста по парку. Время у меня есть. Решаю, что попробую еще поговорить.

– Знаете ли, я приезжий, не очень хорошо знаю город, – неуклюже продолжаю разговор.

– Откуда вы? – спрашивает она и, кажется, впервые внимательно смотрит на меня.

Во взгляде интерес, но не только. Неужели это страх? Не боится ли она меня?

А глаза светло-голубые, цвета Балтийского моря, каким оно бывает чистым июньским утром, когда на небе почти нет облаков. Черты лица – тонкие.

– Я из Москвы, иногда здесь отдыхаю.

– А я здесь родилась и выросла.

Она слегка напряжена.

– Вот возвращаюсь из старого города, а где остановка, – добросовестно вру, – как-то позабыл, в последний раз был здесь зимой, а летом все по-другому.

– Каждый день отличается от предыдущего, а уж время года и подавно.

У нее легкий, но характерный акцент. Слегка растягивает гласные. Такой бывает у местных русских, которые давно живут в Латвии или у латышей, очень хорошо говорящих по-русски.

Мы сказали друг другу лишь первые слова, но я чувствую, что мне легко разговаривать с ней, а ей – со мной. Я сразу понимаю это. И не сомневаюсь – она чувствует то же самое. Не знаю, откуда эта уверенность, но я не ошибаюсь.

Сначала мне показалось, что она испугалась меня. Теперь я этого не ощущаю. И напряженность ее прошла. Может, думала о своем, а тут я со своим вопросом.

Как-то само собой получается, что мы уже идем к остановке вдвоем. Меня не смущает, что она, это хорошо видно, намного младше меня. Мне вообще стало очень легко, все тяжелые мысли, привезенные из Москвы, ушли прочь, и кажется, во всей вселенной остались только

я и она, и эта парковая дорожка, по которой мы идем к готическому замку, почти касаясь плечами в теплом тихом вечере.

Мы продолжаем разговаривать. Я узнаю, что зовут ее Анита, ей тридцать один год – значит, я на двенадцать лет старше, это нестрашно, – она заканчивает учиться на терапевта – в институт пошла не сразу, до этого работала медсестрой в Латвийском центре морской медицины, и еще она пишет стихи и сейчас как раз направляется в свой литературный кружок. Подрабатывает экскурсоводом, но не часто, времени почти нет.

Я что-то говорю ей о себе, делюсь сегодняшними рижскими впечатлениями. Но вот мы уже на остановке... Что, так и поедем в разные стороны, если нам нужны разные троллейбусы? Я всегда был стеснительным, до сих пор удивляюсь, как это не помешало мне жениться два раза, но тут решил проявить твердость.

– Анита, а давайте, вернемся, погуляем еще по «старушке» (*читателю: рижане так называют старый город*), не хочу с вами расставаться, и вечер такой хороший, – произнес я с решимостью солдата, поднимающегося в штыковую атаку.

После этой фразы решимость мгновенно пропала.

– Только не подумайте ничего плохого, – зачем-то сказал я.

– А я пока о вас только хорошее думаю, – Анита улыбнулась одними глазами.

Вдруг она высокомерно посмотрела на меня. Это было очень неожиданно, тем более что и высокомерие было не вполне понятным. Я уловил в нем какой-то совершенно незнакомый оттенок. Это высокомерие было намного сильнее, чем, скажем у девочки из разбогатевшей семьи, но оно казалось не злым, скорее изучающим.

Впрочем, она снова улыбнулась и коротко ответила:

– Хорошо.

Накопленной за последние дни усталости как не бывало.

Это было как чудо – мы вдвоем вернулись в центр города, гуляли по этому причудливому сплетению улиц и переулков. По пути беседовали почти как уже давно знакомые люди. Анита рассказала мне о своей семье. Оказывается, она полукровка – вот откуда такое произношение!

Отец Аниты, латыш, в юности, как и почти все тогда, был призван в советскую армию и, как многие в самом конце семидесятых, попал в Афганистан. Он получил там тяжелое ранение, инвалид. Мама – русская, коренная рижанка, учитель в школе. Она – их единственная их дочь.

– Расскажи мне о себе, – просит она. Мы уже перешли на «ты».

И я говорю о себе, своих родителях, даже про прадеда-священника, и про дворянку-прабабушку, ловлю себя на том, что как можно больше хочу рассказать ей о том, кто я и откуда взялся такой...

– А ты сам ходишь в церковь? – вдруг интересуется она.

Несколько неожиданный вопрос в начале первого свидания, а именно оно, кажется, у нас и есть...

– Не так часто, как надо, но, конечно, да, – отвечаю я. – Наша семья не из тех, кто стал посещать храмы в конце восьмидесятых, когда это стало можно делать. Мы из Церкви не ушли.

Звучит несколько высокопарно, но так оно все и было. Я вижу, что это очень нравится Аните. Сердца наши с самого начала влекут друг друга, но мой ответ располагает ко мне ее душу. Изучающее высокомерие в ее взгляде больше не появляется.

Анита узнает, что я много читаю, иногда пишу прозу, исторические очерки. Совпадение – оказывается, у нас любимые книги. И их много. Может, кажется, но она более ласково смотрит на меня. Потом речь снова заходит о ней.

Семья, у Аниты, мягко говоря, небогатая, ей уже надоела бедность, и она думает после института уехать отсюда... Не навсегда. Из Латвии, к сожалению, сейчас уезжает много молодежи.

– Даже про Россию думала, – говорит она.

– К нам точно не стоит, – отрезаю я вполне искренне.

Она с недоумением смотрит на меня. Тогда я читаю Аните стихотворение Лермонтова «Жалобы турка» (*читателю: оно про Россию, прочтите обязательно, пересказывать Лермонтова не буду!*). Похоже, она понимает меня, снова улыбается, уже по-другому, в ее балтийских глазах веселые искорки.

Анита берет меня под руку, я не очень люблю так ходить. С легкостью ловеласа – и откуда только взялась! – делаю непринужденное движение, и ее рука оказывается в моей. Она не против.

Скоро мы заходим в бар. Он располагается в подвале старого дома, просторный, в интерьере преобладают желтый и зеленый цвета. Много людей – есть и рижане, и туристы, в основном почему-то английские пенсионеры, хотя заведение, судя по интерьеру, рассчитано на молодежь. Здесь мы пьем Бауское пиво, здесь звучит удивительно приятная – я не слышал ее в России – мелодия Паулса.

Я смотрю на руки Аниты – пальцы длинные, такие бывают у одаренных музыкантов, на ногтях нет маникюра, этим породистым пальцам он просто не нужен.

На Аните почти нет украшений. Только на шее длинные деревянные бусы с изящной подвеской.

Чувствую ее взгляд. Мы долго смотрим друг на друга. Я гляжу на нее и чувствую, что теперь все изменилось, все не так, как до нашей встречи. Любуясь ей, каждой черточкой ее лица, я понимаю, что в ней нашел свое, мне предназначенное, что уже и не чаял обрести. Раньше в отношениях с женщинами я всегда прятал, скрывал от них часть себя. Ей же я хочу открыть каждый уголок своей души, хочу быть полностью открытым для нее. И тела наши должны открыться друг другу, слиться. Может, ошибаюсь, но в ее глазах – те же самые чувства.

Мы сидим за столиком, кружки с пивом отставлены в сторону и забыты. Наши руки встречаются и ласкают друг друга.

– Пойдем танцевать, – зовет Анита.

Вообще-то я плохо танцую, но с ней, кажется, буду делать все, что ей захочется. В баре есть небольшой танцпол, мы встаем, она скидывает свои шлепки и, опередив меня, босиком устремляется в его центр.

Латышскую музыку сменяли европейские мелодии, мы танцевали медленные и быстрые танцы. Трудно сказать, какие мне нравились больше в тот вечер. То ли те, когда в медленных ритмах музыки я обнимал Аниту и чувствовал ее тело, то ли когда смотрел на каждое ее стремительное и вместе с тем удивительное пластичное движение в быстрых композициях.

Не знаю, сколько было времени, когда мы вышли теперь уже на ночную улицу города...

В городе почти безлюдно. Несколько молодых, весело галдящих людей быстро проходят мимо нас: неподалеку один из дорогих ночных клубов.

На улице Гречниеку встречаем пожилую пару. Они идут медленно, держась за руки, неторопливая прогулка по ночной Риге, судя по всему, – одна из традиций их долгой общей жизни. На улице Алксная видим модно одетого солидного господина средних лет. Он не отрывает глаз от старинных амбаров, просто любит ими. Они красиво освещены ночью.

Вот, пожалуй, и все люди, которых мы увидели на своей первой прогулке. Если не считать их, мы остались одни, наедине с этим городом.

Была удивительная гармония между Ригой и нами. Мы были счастливы, и, казалось, городу тоже было хорошо. Я и Анита ощущали пронизывающие все вокруг токи доброты. Доброты, созданной поколениями людей, вошедшей в древнюю причудливую ткань улиц. Особенно смотрели на нас редкие светящиеся окна узких старинных домов, над которыми возвышались ярусы полуспрятанного темнотой шпиля кирхи святого Петра.

Я обнял Аниту за плечи, мы очень медленно шли по площадям, улочкам...

Каждый поцелуй имеет свой вкус, дает свою неповторимую гамму ощущений. Так вот ничего подобного тому, что подарили мне губы Аниты, у меня никогда не было. Я обрел нечто такое, чего был лишен всю жизнь.

Вдруг на нашем пути возникла какая-то темная фигура. К нам приближался человек с лицом в пятнах грязи, в темной одежде. В руке у него была длинная щетка необычной формы.

– Трубочист! – радостно воскликнула моя спутница, устремившись к нему. Несколько раз потрогала его одежду – говорят, это приносит счастье. Затем радостно помахала мне рукой, предлагая последовать ее примеру.

Гуляя и целуясь, мы прошли через всю «старушку», наконец, миновав Англиканскую церковь, вышли к набережной, к тому ее месту, где находится памятник мифическому гиганту Кристапсу, который, как гласит предание, давным-давно, когда мосты еще не построили, переносил людей через Даугаву. В нескольких сотнях метров от места, где мы стояли, находится терминал. Отсюда каждый день отплывают паромы в Стокгольм.

– Разберусь с делами в Москве, возьму отпуск, приеду – и давай побудем сначала здесь вместе, а потом поплывем куда-нибудь, – говорю я Аните.

– Я хочу этого, – отвечает она, и, помолчав, продолжает, – я часто смотрю на отходящий паром. До этого дня мне было не с кем уплыть на нем.

Мне очень хочется прямо сейчас сделать ей предложение быть всегда со мной. Я верю своим чувствам, знаю, что это серьезно, но решаю промолчать. Не хочу, чтобы Анита сочла меня легкомысленным.

На обратном пути – это произошло возле Домского собора – Анита сняла с плеча мою руку, замедлила шаг. Она вдруг стала очень сосредоточенной. Остановилась прямо напротив входа в храм. Какое-то время молча стояла. Я не мешал ей, подумав о том, что она, наверняка, молится.

Это действительно было похоже на обращение к Всевышнему. Анита сложила руки на груди, слегка подалась вперед, не отрывая взгляда от громады собора. Она долго стояла так, будто чего-то ждала.

Затем повернулась ко мне. Я поразился перемене, произошедшей в ней. Она выглядела потрясенной, как человек, получивший горестное известие. Кажется, даже слегка прикусила губу, чтобы не заплакать.

– Анита, что с тобой?

– Все в порядке.

Я понял, что она почему-то не хочет разделить со мной то, что сейчас чувствует. Ничего, сказал себе, всему свое время, все тяжелое в ее жизни мы будем нести вдвоем.

Да... Тут мне и самому стало не по себе. Я весь вечер не думал об этом, слишком все было хорошо. Просто забыл о том, что если Анита захочет быть со мной, мне обязательно предстоит провести с ней нелегкий разговор. Она должна все знать обо мне. И захочет ли она делить это со мной всю жизнь?

Неожиданно подул неведь откуда взявшийся холодный ветер. На меня навалилась отступившая после встречи на мостике усталость.

– Холодно, – говорит Анита.

Она действительно легко одета для прохладной ночи.

– Ты сегодня усталый, на себя не похож, – произносит она.

Гладит меня по щеке, а я думаю о том, что она необычайно хорошо ощущает меня. Впрочем, она уже знает и про трудные дни в Москве, и про бессонную ночь в поезде. Я гляжу на нее, мне удивительно хорошо. Тягостные мысли куда-то уходят.

Несмотря на мою настойчивость, Анита отклонила все предложения проводить ее до дома. Я записал цифры ее телефона в свой мобильный. Мы снова, уже ночью, шли к троллейбусной остановке через парк. Начался и тут же закончился небольшой дождик, мы пере-

ждали его под деревом. Светили фонари, дорожка в парке с блестящими в их свете лужами была сказочно красива. Весь мир казался мне прекрасным.

Но Анита... Она уже была не такой, как в баре, в начале прогулки. Изменилась после того, как остановилась у собора. Может, мне показалось, но она старалась не смотреть мне в глаза.

Но вот мы уже на остановке. Фары подходящего троллейбуса становятся все ярче и ярче.

– До свидания, завтра днем позвоню, – говорю я, – мы обязательно увидимся завтра.

– Да, – коротко отвечает она.

Я смотрю на ее силуэт в уходящем троллейбусе, а она подходит к его задней стенке и глядит на меня. Светлое окно, в котором стоит она, становится все меньше. Снова начинает накрапывать дождь.

Мне становится очень грустно, но я утешаю себя тем, что каждая минута приближает следующую встречу.

Исчезновение

Я обычно просыпаюсь по утрам в плохом настроении. Сегодня было совсем по-другому. Ведь накануне я встретил Аниту, мы договорились, что я позвоню ей. Я сделаю это, мы непременно встретимся. Может быть, я расскажу ей то, что ей следует знать про меня. Как она реагирует? Что-то подсказывает мне, что все будет хорошо... Если она примет меня таким какой есть, то я сделаю все, чтобы она не пожалела об этом. И уже сегодня мы снова пойдем в старый город, а, может, отправимся гулять по пляжу и дюнам Юрмалы, вечером посмотрим закат на море. После чего, я уверен, – она согласится, – проведем ночь вместе. И затем будет еще один день, правда потом придется уезжать...

Но сейчас, в эти часы, это «потом» казалось таким далеким. К тому же я знал: обязательно вернусь к ней.

После завтрака я отправился на цветочный рынок, что напротив православного кафедрального собора, прошелся вдоль стоящих прямо на тротуаре и на лотках букетов (*читателю: красота букетов, которые продают на этом рынке – тема отдельного разговора!*) и наконец подобрал самый на мой взгляд подходящий – в красно-бело-розовой гамме. Цвета любви, верности и нежности. Все то, что я хочу ей дать.

Затем, бережно защищая букет от ветра, пошел к собору святого Екаба... Очень люблю улицу, которая идет от него вдоль Сейма к домам Трех братьев. Но сегодня я не смог любоваться этим уголком города – безумно хотелось, чтобы время шло быстрее! Я прогулялся к Пороховой башне, походил по лавочкам, где торгуют янтарем, ловя себя на одной-единственной мысли: думаю лишь о том, как то или иное украшение будет смотреться на Аните.

Купил ей кулон из желтого янтаря. Немного поговорил с мастером, разложившим свои изделия на лотке на площади Ливов. Оказывается, в их семье уже семь поколений делают янтарные украшения. Мастер, худой латыш с длинным утиным носом и большими желтоватыми глазами, разговаривал будто нехотя, с сильным акцентом, я чувствовал, что мало интересен ему. Как, впрочем, и весь остальной мир. Что ж, подумал я, такие люди с настоящим вниманием смотрят лишь внутрь себя и на янтарь, с которым работают. Оттого и видят его красоту.

Наконец, уже можно позвонить, я нахожу в адресной книжке московского мобильного ее номер, набираю. Соединения нет. Пробую снова и снова. Результат тот же. Черт возьми, в чем дело, что происходит?.. Смотрю на ряд цифр – код страны, потом собственно номер, вроде все правильно...

И вдруг – прошибает, как это ни банально звучит, холодным потом: записанный у меня номер состоит из семи цифр. Да, из семи, всего из семи, а рижские мобильные номера – восьмизначные! Получается, вчера, когда набирал на мобильном ее номер, пропустил, сам не знаю, как это вышло, одну единственную цифру. Теперь эта цифра отрезала меня от Аниты...

Следующие два часа я занимался тем, что набирал на мобильном разные номера – дополняя семь имеющихся цифр восьмой в разных комбинациях. Тщетно... Большинство абонентов, к которым я попадал, просто говорили, что я ошибся. Но такими лояльными были не все – четыре раза меня обругали на русском и шесть – на латышском.

Я перебрал все комбинации цифр, для экономии денег купил местную телефон-карту, но до Аниты так и не дозвонился... Получается, я сделал не одну, а еще больше ошибок, когда записывал номер – сказала все-таки накопленная в московской гонке усталость...

Холодало, тепло первого дня сменил холодный, порывистый ветер.

Город-корабль попал в небольшой шторм. А я шел в этом ветре мимо готики Риги, не замечая ее, и искал Аниту. К вечеру ветер набрал силу, стал таким, что приходилось наклоняться вперед, чтобы продолжать путь. Я искал ее везде, зашел и в рижское бюро информации

для туристов. Спрашивал про Аниту, описывал ее, пожилая, еще красивая элегантною осенью латышка, выслушав мое описание, слегка пожала плечами, и, как мне показалось, с сожалением ответила, что экскурсовод, подпадающий под это описание, здесь не работает.

Я так и не встретил ее в те два дня, которые оставались от моего отдыха в Риге. «Зато два дня я жил в городе мечтаний, стремясь к мечте. А это, может быть, лучше, чем осуществление мечты», – успокаивал я себя, отправляясь на вечерний поезд. Жалкая попытка отнестись к произошедшему философски. «Еще неизвестно, что она скажет, когда узнает от меня то, что собираюсь сказать о нашем будущем», – говорил я себе. Но и это не помогало.

Сначала я думал, что скоро забуду ее, как бывало с другими женщинами. Этого не происходило. Непроходящая тоска по ней жила во мне... Эта тоска обессиливала, я будто лишился части себя самого. Чувствовал – уже никогда не стану таким, как до встречи с ней.

Я пытался найти Аниту, через интернет, оказываясь снова в Риге, – к сожалению, приезжать сюда удавалось нечасто, – искал ее в каждой идущей навстречу женщине.

Статуя

Я нашел. Но не Аниту, а статую. Шел по старому городу и увидел возле одного старинного домика небольшую статую – молодую, обнаженную по пояс женщину. Насколько же она была похожа на ту девушку, которую я встретил летним вечером в рижском парке!

Вот оно чудо старого города: сколько бы раз в нем ни оказывался, в каждое новое посещение всегда найдутся неизведанные уголок, улочка, дворик. Я думал, что знаю город, но статуи этой не помнил. Или не проходил здесь, или просто смотрел в другую сторону.

Теперь же был просто ошарашен. Каково это, встретить женщину, потерять ее, а потом увидеть ее двойницу, но в виде каменной статуи... Придя в себя, я тут же связался по телефону с несколькими знакомыми рижанами, просил рассказать все, что знают о ней. Выяснилось: они видели ее, даже знают, что стоит с XIX века, а вот какую-либо более подробную информацию сообщить никто не смог.

Не помог мне мой хороший знакомый Юрис. Он филолог, частенько продает на улице Кялкю глиняные фигурки, посуду, которые делает его жена, а вечерами мы иногда говорим об общих любимых книгах в уютном кабачке неподалеку от Рижского замка.

Оказался бессильным помочь мне и Василий – рижский корреспондент газеты, в которой я работаю. А я-то был уверен, что кто-кто, а уж он знает о Риге все.

Тщетно обращался и к знакомой супружеской паре – мы познакомились в Москве на каком-то концерте, и они звали меня навестить их, когда я соберусь в Ригу.

...Неподалеку от этой улицы, где я обнаружил статую, находятся дома Трех братьев, а в одном из них есть музей архитектуры. Мне не давала покоя статуя, спрашивал о ней даже у прохожих, заговорил о ней и с симпатичной дамой, которая работала в этом музее.

– Я могу вам помочь, – неожиданно сказала она.

Повезло, наконец...

– Это очень интересная история. – Дама внимательно посмотрела на меня. У нее были слегка кокетливые глаза. – Когда-то дом принадлежал богатому немецкому дворянскому семейству. Из поколения в поколение семья беднела и в конце концов лишилась замка в Латгалии, земель вокруг него, остался лишь этот дом. – Тут дама сделала паузу. – Кстати, – предложила она, – не продолжить ли нам разговор за чашечкой кофе?

Я отвел ее в одно маленькое кафе возле церкви святого Петра, здесь обычно мало людей, можно спокойно поговорить.

– В конце концов, – рассказывала дама уже в кафе, – от семейства остался лишь один человек, он служил морским офицером, потом женился на русской барышне, дочери своего старшего товарища, у них родилась дочь. Эта была очень хорошая, счастливая семья. Но произошло несчастье – отец девочки серьезно пострадал от случайного взрыва на корабле, где служил. Он вышел в отставку, а потом начал играть в карты. Семья была почти разорена этим, и от полного краха мать и дочь спасла, как это не грустно звучит, лишь кончина главы семьи. – Мне рассказывали, – говорила дама, уютно устроившись за столиком, – что он очень страдал от головных болей, не прекращавшихся после ранения... Жена ненадолго пережила мужа. Юная дочь, Эльза, осталась совсем одна. И всю жизнь она прожила одна. Замуж не вышла. На бедных она не смотрела, богатым недворянам, а они делали ей предложения, отказывала. Из своего круга полюбить никого не смогла. Хотя, как говорили, очень ждала, что к ней придет любовь, – моя собеседница томно вздохнула.

– Эльза была удивительно красивой, на нее смотрели мужчины, – продолжала дама, кокетливо поглядывая на меня и допивая третью чашку кофе. – Даже когда она уже была в возрасте, почтенные отцы семейств не сводили с нее глаз, когда она выходила из дома прогуляться или отправлялась в воскресенье в кирху святого Яна. Она же не смотрела ни на кого.

Дама достала сигарету, я поднес ей зажигалку. Закурил сам.

– Она бы так и ушла, не оставив после себя ничего, если бы не решила увековечить свою красоту. Сделала это своеобразно. У Эльзы было немного денег, но она их почти все отдала скульптору, который и создал статую, о которой вы расспрашивали. Лицо сделал по фотографиям, сделанным в молодости, а тело... Наверное, внимательно смотрел на эти снимки, художники видят многое. Статую Эльза завещала поставить возле ее дома после своей кончины. Это было единственным условием передачи его в городскую собственность.

– Она хотела навсегда сохранить себя таким образом, – заметил я.

– Я тоже размышляла об этом, в музее хорошо думается. Учтите еще, что ее предки жили здесь несколько сотен лет, это был их город, и она, решив поставить статую, хотела сказать всем, что была, есть и будет здесь всегда.

– Но тогда почему она решила оставить себя обнаженной?

– Может быть, просто она была смелой женщиной, – улыбнулась моя собеседница. – Езус, Мария! – встrepенулась она, – Мы, однако, заговорились, пора собраться, уже почти ночь.

Верно, уже давно стемнело. Я расплатился, мы вышли из кафе. Потом, это вышло вполне естественно, было все-таки очень поздно, я проводил эту женщину домой.

Мы долго шли по проспекту. Высокие каменные дома начали перемежаться с симпатичными, в основном двухэтажными деревянными домами, бывшими когда-то окраиной дореволюционного города.

– Я спрашивал об этой статуе у нескольких человек, – сказал я своей спутнице, взявшей меня под руку. – Но никто не смог рассказать мне о ней. В чем же дело?

– Эльза была немкой по отцу и вращалась всю жизнь в кругу рижских немцев, они тогда, в основном, и жили в центре, – ответила дама, – естественно, ее история сохранялась в их среде. Но перед войной почти все немцы уехали в Германию. Так решили Сталин и Гитлер. А вместе с немцами ушла и часть памяти о прошлом города.

– А вы откуда знаете все это?

Она посмотрела на меня. Уже не кокетливо, а томно.

– От бабушки. Я на четверть немка. Нас таких всего в Латвии всего несколько сотен человек.

Я продолжал думать о сходстве между Анитой и Эльзой.

– Скажите, а все-таки не было ли родственников у родителей Эльзы, может, вам что-то известно о них?

– По линии ее отца почти все ветви древней дворянской семьи пресеклись еще в восемнадцатом веке. Так говорила моя бабушка. Что же касается матери, то здесь ничего не могу сказать, – пожала плечами дама.

– Если хотите, зайдите ко мне, я живу одна, – неожиданно предложила она. Томность в глазах пропала, теперь она глядела на меня с ожиданием.

Дама была симпатична. И ей очень шел элегантный брючный костюм. Не помню, под каким предлогом я отклонил предложение. Эта женщина понравилась мне, но где-то в Риге жила Анита.

Я ничего нового не узнал про нее, не нашел, но зато через переданную мне историю познакомился с другой, похожей на нее женщиной. Эльза... Каменная двойница Аниты...

А была ли она, Эльза, правдива ли эта история, может лицо статуи – плод воображения скульптора? Но почему, почему эта статуя так похожа на Аниту? Я задавал себе эти вопросы, возвращаясь в гостиницу.

«Ты сегодня и правда усталый, на себя не похож» – вдруг вспомнил я слова Аниты... Что значит «сегодня», что значит «на себя непохож»? Тогда я не обратил внимание на эти слова, но теперь... Получается, она видела меня раньше?

Но я знал точно – Аниту раньше, до этого вечера счастья, никогда не видел. Я в своем уме. Ко мне пришло фантастическое предположение, которое, однако, все объясняло.

Мимо небольшой статуи, я, пожалуй, мог пройти, не заметив ее. Может, задумался, может, рассматривал что-то другое. Звучит как сказка, но неужели Анита – это ожившая статуя, которая видела меня, а затем, преодолев время, пришла в парк, встретиться со мной?

А, может быть, все дело в городе? Рига, этот город-корабль сделал круг во времени и таинственным образом явил мне себя одним из своих ликов, воплотившись Анитой – моей мечтой.

Она появилась и исчезла... Впрочем, подумал я, все это фантазии.

Но что-то говорило мне, что я еще встречу ее – Аниту. Только мне ни в коем случае сходить нельзя с корабля. С корабля, на мачтах которого – золотые волшебные петухи рижских кирх.

Я был убежден: надо бывать в Риге. Здесь круг обязательно замкнется. Корабль приведет меня к мечте. Я ее снова увижу, и мы объяснимся. Как знать, может это произойдет в мой следующий приезд в Ригу. Надо ждать...

...Целой жизни мало, чтобы ждать тебя, Моя жизнь пропала, если нет тебя... («Шербургские зонтики»)

Я и ждал. До этого был дважды женат, были и другие отношения. Были, естественно, и разлуки, переживания, расставания... Но такого состояния, как сейчас, не было никогда.

В Москве дни были легче, чем ночи. Днем отвлекают дела. А как вечер и я более или менее свободен, вновь и вновь переживаю заново каждую минуту, когда Анита была рядом, воскрешаю эти картины в памяти.

Вот я на мостике, впервые вижу ее. А теперь мы в кафе. Потом гуляем ночью по городу. А вот и страшный кадр – троллейбус увозит ее от меня...

Почти не спал, даже снотворное оказалось почти бесполезным. Но самыми тяжелыми были первые мгновения после пробуждения. Ночами все-таки ненадолго отключался, сны вводили в другие миры. А как просыпался, первая мысль – потерял ее, потерял навсегда.

Но что было необъяснимо – порой возникало необъяснимо сильное желание забыть Аниту. Совершенно непонятно, откуда оно бралось – ведь я и жил-то мыслями о ней. И когда это желание наполняло меня, во мне начинали бороться два «я». Второе, тоскующее, всегда побеждало. Побеждало и все сильнее съедало меня.

– Сделай многократную визу и как только можно, ездь в Латвию. Хоть на день, хоть на два, хоть на месяц, – говорила мне мама. – Не скрою, мне будет плохо без тебя. Но мне будет еще хуже, если ты потеряешь ее. Я всегда говорила, что рано или поздно ты встретишь свою женщину. Сейчас, когда это произошло, твое место там, где ты снова обретешь ее.

– Твоя мама права, – сказал мой друг Роман.

Мы гуляли по бульварному кольцу, когда он узнал мою рижскую историю.

– Ищи ее, посвяти себя этому, иначе тебе не будет покоя, – произнес он. Роман хорошо знает меня. Он любит меня и умеет правильно расставить акценты.

Мама болела, и мне было жаль ее оставлять, но я послушался совета. Благо такая возможность была. Я – вольный журналист, в штате газеты числился формально, поэтому мог располагать временем. А деньги на гостиницу и билеты у меня были. Оформил многократную визу и стал чаще, чем прежде, посещать Ригу. Приезжал сюда в надежде встретить ее.

Я не искал ее специально. У меня не осталось никаких ниточек, которые могли бы вывести к Аните. Надеялся лишь на случай.

В Риге мне было особенно тяжело. Если в Москве отвлекали дела, то в этом городе я был предоставлен сам себе и жил в тоске, из нее, казалось, состояло каждое мгновение моего пребывания здесь. Но в каждом мгновении было и исцеляющее, поддерживающее ожидание встречи.

Поддержку себе я находил в самом этом городе. Его готические очертания виделись мне теперь мрачными, созвучными моему настроению. Город будто разделял со мной мои переживания. Вечерами я бродил по улицам, рассматривая очертания их домов. В самом старом городе, и особенно в том парке, почти не бывал. Слишком больно было видеть все эти места, где мы были вместе. Иногда я все-таки преодолевал себя и проходил по ним, не встречая ее...

Калейдоскоп

А порой я просто шел куда-нибудь. Раз, поздно вечером, забрел на набережную Даугавы в районе Московского форштадта. Хоть и не старый город, но по-своему красивое место. Дореволюционные дома выглядят более простыми, чем в центре, но очень симпатичные. Высокая колокольня Гребенщиковской церкви...

Сейчас здесь безлюдно. Я наедине со своей тоской. Просто смотрю на реку. Она слегка успокаивает. Ее темные волны будто уносят с собой частицы моей боли. Мне хочется оставаться возле Даугавы долго. Рядом с рекой мне легче, чем среди людей.

Хотя нет, я не один. Смотрю на реку и не верю глазам. Над водой – какая-то белая фигура, я не могу разобрать что это, она еще далеко, но приближается ко мне.

Очень скоро я вижу, что это всадник на белой лошади. Он несется стремительно в мою сторону. Прямо по поверхности воды. Я не успеваю даже удивиться всему этому, в голове другое: он мчится на меня, собьет.

Всадник резко останавливается буквально в метре от берега. Я стою у самой кромки набережной. А он со своим конем, копыта которого, как я теперь вижу, не касаются воды, застывает у самого края реки. На всаднике белый старинный мундир, и все на нем белое – погоны, ордена на груди. Лицо его очень бледное, под стать мундиру. Лоб высокий, волосы слегка выются. В глазах – горе. Он молча, внимательно смотрит на меня. А потом просто исчезает вместе со своим конем. Будто его и не было. Я снова один на набережной.

Я не успел испугаться, все произошло очень быстро. Знаю одно – впервые в жизни видел призрак. В голове почему-то возникает предположение, что это мог быть основатель Риги – епископ Альберт, но я его быстро отметаю. Белый всадник из другой эпохи – он был в мундире восемнадцатого века, вооружен шпагой, пистолетом. Епископ так выглядеть не может.

Занимает мои мысли другое – горестное выражение его глаз. Что если его таинственное появление – плохой знак? Может, и глаза у него такие оттого, что предвидит плохое, знает, что я не найду Аниту.

Я уйду с набережной, еще более расстроенный, чем раньше. До гостиницы дохожу с трудом, наваливается усталость. Усталость отчаяния.

На следующий день мне очень не хотелось вставать...

Понимаю одно – надо встряхнуться. Вспоминаю друга – очень любит жену, но они часто ссорятся, и конфликты продолжаются долго. Он снимает напряжение в салонах эротического массажа. Говорит, очень хорошая разрядка. Может, и мне попробовать?

Нашел в газете адрес. Прошел два квартала, набрал нужный код. Дверь открылась. Миловидная женщина впустила меня в квартиру, я оказался в полутемной уютной комнатке, большую половину которой занимала низкая двуспальная кровать. Со мной была молоденькая крашеная блондинка, у нее большие упругие груди.

Мне понравились ее волосы. Светленькие, а слегка выются. Редкое, красивое сочетание.

Она заводит меня, но тело и душа у меня сейчас в разных измерениях. Телу хорошо. Но в душе мне жаль, безумно жаль нас обоих – себя и блондинку. Каждый из нас в эти минуты мог быть со своим человеком. Мои внутренние переживания не мешают блондинке быстро довести меня до сильного оргазма. После него мне становится еще хуже.

Я думаю лишь о Аните, преодолевая себя, пересекаю парк возле Бастионной горки, иду по улице Кялкю, прямо в центр старого города. Все это часть нашего маленького общего прошлого, которое мне хочется вспоминать снова и снова, хотя от этого очень больно...

Я пришел в кафе нашего единственного вечера. Лучше бы я этого не делал. Все здесь было так, как и тогда. Даже пенсионеры – на этот раз, кажется, немцы, – снова оккупировали половину столиков.

Я почему-то разозлился на них, на это кафе, на всю Ригу, а главное – на Аниту. Она где-то здесь, в этом городе – но не со мной! Лучше бы вовсе не встречался с ней! Знать ее не хочу! И думать о ней больше не буду!

Злился и делал то, что мне обычно совершенно несвойственно – напивался. Даже нарочно смешал глентвейн – была поздняя осень – с пивом. Хотелось забыть все раз и навсегда.

– Я вам не помешаю? – вдруг спросил меня кто-то.

– Нет, – полумашинально ответил я.

– Извините за вторжение, люблю бывать здесь. Уютно, а сегодня так мало свободных мест.

У соседа по столику солидный, слегка самодовольный вид. Лицо скорее квадратное, нос длинный, прямой, глаза маленькие, губы тонкие. Одет подчеркнуто модно, так одеваются мужчины за пятьдесят, которые стремятся выглядеть моложе.

Он читает меню, делает заказ, смотрит на меня. Дежурно улыбается. Но практически тут же в его улыбке появляется искренняя приветливость.

– А я как-то видел вас на улице Алксная, помните ночью, в августе. Вы были с молодой дамой.

Я легко вспоминаю его, на улицах тогда почти не было людей. Да, это он тогда с восхищением разглядывал здания на этой дивной улочке.

Слово за слово мы разговорились. Зовут его Апполон Яковлевич, он критик-искусствовед. «Искусствовед в третьем поколении, коренной рижанин», – как он гордо отрекомендовался. Собеседником оказался очень интересным.

Сперва мы говорили об искусстве, потом, как водится в пьяных разговорах, а мой собеседник, как мне казалось, не отставал от меня по количеству выпитого глентвейна, перешли на самые разные темы, а затем – уже и на личные.

Мне хотелось поделиться с кем-то тем, что в душе, и я рассказал Апполону Яковлевичу о том, как встретил и потерял Аниту, как не могу найти. Про историю со статуей умолчал – это слишком необычно.

– Эта та девушка, с которой вы гуляли? Симпатичная. Очень жаль, как я понимаю вас, – Апполон Яковлевич дружелюбно и долго смотрит на меня. – Знаете, я любил и любил по настоящему, – продолжает он, заказывая еще два бокала вкусного и горячего спиртного, – и сколько же страданий принесли мне женщины, сколько раз я думал, что погиб. А потом... потом все проходило. Жизнь продолжалась! Выпьем за жизнь.

Мы выпиваем.

– Живите разумом, – говорит он, допивая свой бокал. – Скорее всего, история с Анитой лишь страница в вашей жизни, – успокаивает он меня. – Вспомните, что приказал написать на своем перстне царь Соломон? – Апполон Яковлевич, слегка наклоняется ко мне, таинственно улыбаясь.

Я не помню, пожимаю плечами.

– На перстне вырезали следующие слова: «И это пройдет», – произносит мой собеседник.

Он и дальше продолжает утешать меня, переходя при этом от исторического примера к другому методу

– Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло, – довольно громко поет он, забавно подмигивает, хочет, видно, развеселить меня, помочь выйти из нынешнего состояния.

Сперва все во мне отторгает его слова, слушаю лишь из вежливости. Затем, постепенно успокаиваюсь, возникает одна простая мысль: а в чем, собственно, он не прав? Разве мой опыт с женщинами до встречи с Анитой этому не свидетельство?

Сначала я гоню эту мысль, но она овладевает мной все больше и больше. Как хорошо, что я его встретил...

Но вдруг я как-то встряхнулся, вернее, что-то встряхнуло меня. Крик петуха! Да, в кафе раздался крик петуха. Будто будильник позвонил, выкинул из сладкой дремоты. Спьяну я не стал размышлять, откуда здесь, в кафе, мог взяться петух. Лишь немного позже подумал о том, что в таком состоянии может слышаться все, что угодно.

Главным же в тот момент было другое: петушинный крик почему-то выбросил из моей головы все вполне разумные доводы Апполона Яковлевича.

Будто выйдя из оцепенения, я еще более четко, чем прежде, осознаю, что «это не пройдет», что у меня другой случай, что Анита – это не то, что было у меня раньше, я люблю ее, но к горю своему не могу найти.

– Еще раз повторю вам, живите разумом, а не эмоциями, – убеждает меня тем временем Апполон Яковлевич

Верно, иногда слова разума успокаивают сердце. Но сейчас оно болит очень сильно и именно разум говорит мне, что вылечит его только Анита.

Я не спорю с почтенным искусствоведам. Ко мне возвращается злость. Я ненавижу все окружающее, весь этот город, сначала подаривший, а затем отнявший ее.

Мне захотелось уйти из этого кафе, убежать отсюда как можно дальше. Еле сдерживая раздражение, дождался официанта, дал ему денег.

До свидания, – сказал Апполону Яковлевичу.

– До встречи, – сердечно улыбнулся он. Глаза у него были совсем трезвые, внимательные. «Что ж, бывают и такие – пьют и не пьянеют», – отметил я про себя.

– Не нужна сдача, – бросил я официанту. Надел свое модное пальто и хлопнул дверью.

Я шел так быстро, как мог, плохо представляя куда. Скоро – уже второй раз за эти дни – оказался на набережной. Неподалеку был причал, от которого отходят паромы.

В сильном ветре Даугава шумела и сердилась. Ее волны будто хотели смыть набережную, весь город. Но неизбежно стояли пики его кирх, мосты, перекинутые через реку, высотка банка на другой ее стороне.

Несколько я минут смотрел на воду. Всегда любил это место, но сегодня беспокойствие реки будто подпитывало злобу, росшую во мне.

Ушел с набережной, скоро дважды упал, все-таки выпили прилично, поднимался лишь благодаря сильной злости. Действие алкоголя усиливалось, и в третий раз подняться было уже очень сложно, еще и руку расшиб – кровоточила. Я чуть не заплакал от злости. И так захотелось, чтобы Анита пожалела меня сейчас...

«Вообще-то надо идти домой, хотя, черт возьми, какой дом, в гостиницу на улице Вольдемара», – неожиданно пришла в голову удивительно разумная для моего состояния мысль.

Огляделся по сторонам, район незнакомый, далеко ушел из центра и непонятно в какую сторону. Вокруг одно- и двухэтажные деревянные дома, склады. На улице никого нет – время позднее, а Рига засыпает раньше, чем Москва. Покачиваясь, все еще злой, пошел наугад в ту сторону, где, как я надеялся, должен быть центр.

Спросить бы хоть у кого, как идти... Вдруг вижу – в метрах пятидесяти передо мной кто-то переходит улицу, спешу к нему, чуть снова не падаю, спотыкаясь о трамвайные пути.

Человек видит, что я устремился к нему, останавливается.

– Подскажите, пожалуйста, как пройти на улицу Вольдемара? – спрашиваю я.

– Вам надо повернуть назад, откуда шли, через три квартала поворот направо, – тут мой собеседник делает паузу, как будто считает про себя. – Затем два квартала прямо и тут выйдете на улицу Альберта. А там уже не запутаетесь, выйдете на Вольдемара.

Он говорит с сильным, но точно не латышским акцентом. Ему, наверное, около шестидесяти. У него породистое, суровое, но без злобы лицо, волевые серые глаза. Я замечаю сутану, она видна из-под пальто. «Католический или лютеранский священник и какой-то приезжий», – отмечаю про себя. Несмотря на пальто с каким-то старомодным меховым воротником, в кото-

рое он одет, я вижу, что этот человек крепко сложен. Весь он какой-то сильный, внутренне собранный. Наверное, нравится прихожанкам.

Но что-то уж больно извилистую дорогу он мне предлагает. Не делал я столько поворотов, когда шел сюда из старого города, а улица Вольдемара проходит возле самого центра. Я не настолько пьян, чтобы не понять этого.

– Скажите... – я спохватываюсь, вспоминаю о его сане, и продолжаю, – батюшка, а покороче нельзя добраться до Вольдемара?

Батюшка... Всегда так обращаюсь к священникам, даже если они неправославные.

– Нет, нельзя, – он резко качнул головой, категорически отменяя все альтернативы, – на двух улицах ремонт.

Делать нечего, пойду, как советует.

– Благодарю вас, батюшка.

– Не за что, – он едва заметно улыбается, – идите же молодой человек, не задерживаетесь. Время позднее, впереди ночь. Петухи запоют еще не скоро. Да пребудет с вами Господь.

– До свидания, – уже на ходу прощаюсь я и ловлю себя на том, что хотя и зол на весь город, а заодно и на всех его жителей во главе с Анитой, но на священника это чувство совершенно не распространяется.

Несмотря на туман в голове, я запомнил предстоящий маршрут движения. Через полчаса вышел на улицу Альберга. Немного протрезвел, но был по-прежнему в ярости.

Она освещена вечером и если бы не мое состояние, я бы любовался каждым ее домом, каждым подъездом – ведь этого знаменитый рижский Югендстиль. Но сегодня ни на что не хотелось смотреть. Даже сфинксы, стоящие возле одного из зданий, сейчас казались мне враждебно настроенными чудовищами.

Навстречу шли несколько молодых людей. Два юноши и девушка. Оба молодых человека модно одеты – в длинных плащах, в фуражках, их шарфы элегантно завязаны. Под стать им девушка в легком пальто изящного фасона и симпатичной шляпке.

Весело болтают, такие счастливые... Видеть их не могу. «Ненавижу», – бьется в голове хмельная злость. Я еще пытаюсь сдерживать себя. Хочу закурить, лезу в карман – пусто, где-то выронил пачку сигарет. Ее отсутствие обрывает последний внутренний тормоз.

– Дайте сигарету, – грубо требую я, перегораживая им путь.

Кажется, парни, а девушка в еще большей степени, напуганы. Я намного крупнее каждого из этих мальчишек. И видок еще тот – пьяный, порвал пальто, рука в крови.

– Сейчас, сейчас, – отвечает худенький блондин, – вот только найду пачку.

Он засовывает руку сначала в один карман своего красивого плаща, затем в другой.

– Быстрее, – я продолжаю накаляться.

Чувствую, что даже хриплю от злости. Это внешнее проявление. А как внутри все клоочет!

– Сейчас, подождите минуточку, – в его голосе я чувствую успокаивающую интонацию, оттого завожусь еще больше.

Я хватаю его за шарф, притягиваю к себе:

– Сейчас как врежу...

Он тянет свой шарф на себя. Девушка испуганно вскрикивает.

Вдруг я чувствую на плече чью-то руку. Оборачиваюсь. Полицейский. Невысокий парень с круглым лицом. И подошел-то незаметно, обученный, черт побери.

– Айварс Екабсонс, седьмой полицейский участок, – представляется он и, почти не делая паузы между словами, продолжает: – Немедленно прекратите безобразничать, не ухудшайте свое положение.

Я злобно дышу, но шарф молодого человека из руки выпускаю.

– Пройдемся со мной в участок, – приказывает сержант, – а вы, молодые люди, следуйте за нами, вы нужны для составления протокола.

– Никуда я не пойду, – я стою, как скала. Пьяная, слегка покачивающаяся скала.

Потом, уже не контролируя себя, замахиваюсь на него. Полицейский легко ловит мою руку и делает небольшой, но довольно-таки болезненный боевой прием. Один из молодых людей хватает меня сзади.

– Пойдемте в участок, – повторяет сержант. Уже сердито.

«Я вас всех разбросаю», – я пытаюсь вырваться. Бесполезно, они крепко держат меня.

Снова вместе

– Отпустите его! – слышу я чей-то голос. Голос Аниты!

От этого я сразу трезвею. Произошло чудо, она вернулась в мою жизнь. Я ее больше не отпущу от себя. Мне теперь только стыдно, что я таком виде...

Она, продолжая говорить, но уже по-латышски, как-то удивительно ловко вклинивается между мной и сержантом Екабсонсом. Некоторое время мы стоим вчетвером – молодой человек, держащий меня, я, затем Анита, и, наконец, сержант, который все еще не ослабил свой болевой прием.

Анита что-то быстро говорит. Скоро сержант Якобсонс, сурово взглянув на меня, отпускает мою руку. Отходит в сторону, укоризненно качая головой, и молодой человек.

Я стою, потирая окровавленной рукой другую. Ту, с которой поработал сержант. Злоба, распиравшая меня весь вечер, постепенно уходит. Я начинаю чувствовать себя напроказившим ребенком.

Монолог Аниты, обращенный к представителю власти, продолжается. К нему внимательно прислушиваются юноши и девушка. Полицейский что-то спрашивает у Аниты, она отвечает, он кивает головой, задает второй, третий вопросы. К разговору подключаются молодые люди. Я стою в стороне. Обстановка между тем разряжается. Говорит по-прежнему в основном Анита. А сержант и молодые люди уже согласно кивают ей, иногда поглядывают в мою сторону. Уже не сердито, а, как ни странно, с сочувствием.

Затем сержант Айварс Екабсонс с важным видом, будто читает нотацию, что-то долго говорит Аните, оба юноши и девушка, судя по всему, полностью согласны с ним. Она согласно, с сокрушенным видом, качает головой.

– Что ж, учитывая все обстоятельства, я отпускаю вас, – обращается, наконец, сержант ко мне.

Я не верю своим ушам...

– Вы вели себя очень плохо, – наставительно продолжает он, – постарайтесь впредь ничего подобного не допускать. Чтобы больше вас в таком состоянии никто не видел. А теперь ваша безответственная жена отведет вас домой – и не выходите оттуда, пока не приедете в себя!

Что, собственно, происходит?

А тут еще и девушка платочек протягивает.

– Возьмите, вытрите руку. – Она улыбается.

Молодой человек снова роется в карманах, протягивает мне пачку сигарет.

– Ludzu! (пожалуйста – лат.)

Я беру ее, тупо разглядываю. От этого занятия меня отвлекает голос сержанта.

– До свидания, – важно говорит он и... уходит.

Молодые люди также покидают наше с Анитой общество, продолжая бесцеремонно прерванный мной путь. Худенький блондин на прощание даже улыбается, поправляя свой шарф.

Мы вдвоем на улице Альберта. Она одета не так экстравагантно, как прежде – в коричневом драповом пальто, на шее узенький фиолетовый шарф. И похудела, осунулась, синяки под глазами.

Анита подходит ко мне, берет платочек, перевязывает им мою руку. Наклонилась слегка, и я не вижу ее глаз. Я их так давно не видел.

От ее близости ко мне, от прикосновения к руке я будто просыпаюсь. Кончился тяжелый кошмарный сон, начавшийся, когда я потерял ее. Я снова вижу ее, вижу в обрамлении красоты Югендстиля улицы Альберта.

Свободной рукой я глажу щеку Аниты.

– Прости, что я таком виде.

– Что ты такое говоришь. – Она наклоняется еще больше, прижимается лицом к моей руке.

– Посмотри на меня, – прошу я.

Она поднимает голову. В ее глазах очень многое – и сострадание ко мне, и какая-то сильная усталость, и грусть. Но главное, что я вижу и чувствую каждой клеточкой своего тела, – она любит меня. Я прикасаюсь к ее шее, тому месту, которое не закрыто шарфиком.

– Я столько искал тебя.

– Я знаю, – она уже давно перевязала мою руку, но не отпускает ее, а держит крепко-крепко. – Прости, но я дала тебе неправильный номер телефона.

Я уже ничего не понимаю, ведь я вижу чувство ко мне в ее глазах.

– Объясни, почему?

– Потом, – Анита отрицательно качает головой. – Давай пойдем в гостиницу, ты правда выпил, я отведу тебя.

– Я выпил, между прочим, оттого, что не мог найти тебя,

Я сержусь на нее, пусть объяснится, но не могу оторвать руку от ее щеки.

– Прости, прости, что причинила тебе эту боль, а сейчас пойдем. – Она берет меня за руку, слегка тянет за собой.

– Хорошо, скажи хоть, что такое ты сказала полицейскому?

– Сказала, что ты мой муж, я тебя обидела, выгнала, отправила к родителям в Москву.

– И что этого было достаточно, чтобы меня отпустить?

– Не совсем, еще я сказала, что ты алкоголик и страдаешь психическим расстройством, – грустно улыбается она. – А сорвался ты нынче из-за того, что у меня скверный характер, я вела себя, как стерва, но теперь об этом очень жалею и извиняюсь перед господами студентами и полицейским.

– Горазда врать, и как они тебе только поверили.

– Я умею говорить с людьми. Мне всегда верят.

Он внимательно смотрит на меня – в глазах сквозит та самая надменность, что и прежде. Но обращена она уже не ко мне.

– Да, хорошенькая пара мы с тобой – стерва и псих, – не удержался я, что бы не съехидничать. – Кстати, как ты здесь оказалась?

– А здесь неподалеку находится литературный кружок, в который я хожу.

Мы пошли по улице Альберта. Еще не объяснились, все это будет потом, а сейчас мне было настолько хорошо, что даже в непроницаемых лицах ее сфинксов я видел добрые улыбки.

Скоро оказались на улице Вольдемара. Еще несколько кварталов – и будет гостиница. Пошли пешком. Анита сказала, что кондуктор не пустит меня в троллейбус в таком виде (*читателю: кондукторы перестали ездить в троллейбусах Риги в 2009 году*).

Всегда останавливаюсь в этой гостинице. Сколько раз один в самое разное время года и в самом разном настроении ходил по улице Вольдемара. В последнее время, время тщетных поисков Аниты, дорога всегда была грустной. А теперь я ни на что не обращал внимания, чувствовал только Аниту, идущую рядом со мной. Мы не разговаривали, просто шли вместе.

В фойе гостиницы остановились у стойки, за которой при виде нас встрепенулся подрабатывающий ночными сменами студент Рижского технического университета.

Строго посмотрев на него, Анита перечислила все, что нужно незамедлительно принести в номер: бинт, йод, нитки и иголку.

Рука разболелась, пальто, пиджак и рубашку пришлось снимать с ее помощью.

В номере тепло. Анита снимает пальто, сбрасывает шарф. Остается в желтой майке с открытыми плечами, джинсах, разувается. Как тогда, в кафе. Я понимаю: она любит ходить босиком.

Она очень похудела...

Отвела меня в ванную и долго тщательно промывала руку водой. Потом мы сидели рядышком на кровати, она мазала руку йодом и перевязывала ее. Мне было настолько уютно и хорошо, что расспросы я пока отложил.

На желтой майке Аниты – фиолетовые узоры. Я вижу, что свой стиль вызова в одежде она не бросила, просто спрятала под пальто.

Скоро мой очаровательный доктор превратился в не менее очаровательного портного. Сев по-турецки на кровать, Анита старательно зашивала мое порвавшееся пальто, и казалось, ее настолько поглотило это занятие, что она забыла о моем присутствии. Во всяком случае, смотреть на меня избегала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.